

Кружатся птицы весеннего сада,
мне от тебя ничего-то не надо.
Я про тебя ничего не забыла,
просто ждала и просто любила.

Просто ты был мне так дорог когда-то,
в чем, ты скажи, я была виновата?
Странный вопрос для любого ответа,
Мы расстаемся на целое лето.

Мы расстаемся на целую вечность,
сбросят звезду небеса
в бесконечность.

Вспомнив последнюю
светлую встречу,
дрожь охватила холодные плечи.

Я поняла по дыханию взгляда

то, что нашла не того, кого надо.

Слышишь тихое журчанье?
Это всплеск морского неба.
это волны мягко бьются
об утесы острых звезд.
Бих сиянье — моя нежность,
в их безмолвии — вся ласка.
и мой сон на перепутье
перекрещенных борозд.

Видишь лунное теченье?
Свет струится, словно пена.
В нем моя любовь согрелась
под лучами доброты.
Протяни скорее руку,
обожгись об этот холод,
пусть замрут в груди все чувства
от манящей пустоты.

Золотые камни-звезды
разметал небрежно ветер,
сохрани в душе их шепот —
это слышен голос мой.
Это в блеске теплых вздохов
чуть видна моя улыбка,
и сминает мои мысли
освежающий прибой.

В темноте — мои печали,
их уносят крылья ночи,
от непонятного неба
отвернуться не спеши.
Отпусти на волю сердце,
протяни скорее руку:
ты дотронешься дыханьем
до тепла моей души.

В недоступности — желанье,
в непокорности — упрямство.
Тайна снова разжигает
любопытства огонек.
Протяни скорее руку,
отпусти на волю сердце.
Лишь бы только шорох моря
ты сейчас услышать смог.

Длинный гудок у пустого причала.
Он уезжал, и я уезжала.
Таким и бывает конец у начала —
непониманье сторон.
Взгляды чужие — так получилось,
что-то у этих двоих не сложилось...
Может, прошедшее
просто приснилось —
бурной фантазии сон.

Просто ей было тогда одиноко,
да и хотела не так уж и много:
любовь задержаться
хоть чуть-чуть у порога.
Кто же за это винит?

Осень, прохлада и тучи отвесны,
скоро вдвоем им стало так тесно,
поздно заметили: дом их чудесный
из тоненьких веточек свит.

Вот и решенье: гудок у причала.
Она добралась до каюты устало,
его фотографию молча достала
из памяти прожитых дней.
Цветы на столе, «Амаретто» в бокале,
и чайки печально над морем кричали,
как будто они что-то важное знали...
А он просто думал о ней.

Остались на небе последние звезды,
нетронутый свет их зажжен.
Повсюду разбросаны белые розы,
как это любил делать он.

Ладонями утро сгребу с небосклона,
пускай продолжается ночь.
Не стану задерживать тихого стога,
он может мне как-то помочь.

Осколки рассвета врезаются в тело
острее, чем бронзовый нож.
Скорее бы сердце мое догорело,
в нем ласки уже ни на грош.
Блуждая по небу, зову свою душу,
срываясь на жалобный крик.
Но холод, уставший отчаянье слушать,
к моим безрассудствам привык.

Сама погашу я последние звезды
остатками выпавших слез.
Но белый букет
собирает слишком поздно
из этих разбросанных роз.

Ветру быстрокрылому
прошепчу в окно:
«Отнеси ты милому
от меня тепло.

Обними ты ласково,
нежность тормоша.
Чтоб цветными красками
расцвела душа.

Ароматной свежестью
мысли оживи,
чтоб он вспомнил бережно
о моей любви.

Осень плачет листьями,
причеси ответ,
для любви-то истинной
расстояний нет.

Я дождю постылому
душу отведу.
Расскажи ты милому,
как его я жду.

А когда в обратный ты
тронешься полет,
расскажи мне с высоты,
как он там живет.

На рассвете тот же сон
холод разметал:
в нем ко мне приехал он
и меня забрал.

Пытаться в прошлое вбить клин —
пропащие дела.
Уже привык я быть один
с тех пор, как ты ушла.

Где ты сейчас — мне все равно.
Нет дыма без костра.
Все это было так давно,
а кажется — вчера.

Тогда я был совсем другим
и знал немало слов,
вдыхая сумасшедший дым
по имени любовь.

Тогда все было, как во сне,
как будто не со мной.
Я жил в неразделенном дне,
дыша одной тобой.

Куда же улетел тот дым —
увы, не знаю я.
Ты улетила вместе с ним
в далекие края.

Ты полетай, пока шумит
надежд твоих крыло.
И возвращайся без обид,
мне очень тяжело.

Пусть у костра не горячо —
сгорел он не дотла.
А я ведь жду тебя еще

с тех пор, как ты ушла.

Открою глаза, уповаю на небо,
и только увижу печаль твоих глаз.
Не надо мне пыльного

звездного снега,
созвездия сами танцуют для нас.

Дотронусь до грусти твоей поцелую,
быть может, растопит тревоги любовь?
Когда-то мы все-таки это минувем,
давай же начнем
с неприкрытости слов.

Услышь, замирая, молитву рассвета,
позволь ей проникнуть сквозь стон
твоих грез.
Не жди от сомнительной жизни
ответа,
она вся из солью пропитанных слез.

Забери букет из ландышей,
он такой невинно скромный.
Нет тебя в моих мечтах уже,
я совсем тебя не помню.

Ты исчез с последней птицей,
растворяясь в глади синей,
а обратно вереницею —
стаяка осени плаксивой.

Эта осень не последняя,
и печаль не бесконечна.
Тьма не вечно беспросветная,
и тоскливое — не вечно.

Я совсем не та звезда уже,
для кого ты улыбался.
Забери букет из ландышей.
Он надеждою остался.

При звездах стынет ужин.
Гадаю по луне.
Ты был когда-то нужен
и очень важен мне.

Ты был как шорох тени,
упрямый и немой.
И в запахе растений
твой голос дорогой.

Твои следы штриховкой
нанес на небе дождь.
обманывая ловко,
клянясь, что ты придешь.

Но слишком много горя
дорогу замело.
и я уже не спорю,
что чувство отцвело.

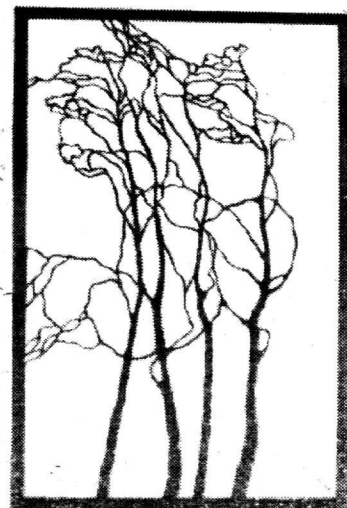
Во сне из белых кружев
забуду о тебе,
хоть ты все так же нужен
в моей шальной судьбе.

Уже уставшая, безудержно дыша,
судьбе я подую неслышно знаки.
Куда бы ни пошла моя душа —
везде ей преграждает путь
твой факел.

Чего ты хочешь?
Видишь — нет уж сил
с твоей шальной любовью
мне бороться.
Мой голос от ветров совсем простыл,
а слезы не просушит даже солнце.

Неужто это то, чего ты ждал:
потерянная девушка без счастья,
когда-то расцветающий коралл,
разбитый бессердечием на части.

Мне боль свою с рассветом пополам
придется снова пить еще не раз...
Прошу тебя: не верь моим словам,
и вновь загни
свой факел нежных глаз.

П риблизился сон. Чуден.
Дивен. Явен. И прекрасен. Легко,
как в былом, спозаранку летит она
на ферму, перебирая сильными
ногами заветную тропинку над кру-
тоярм Сириного Лога. А следом
гонится ее зареванный мальчонка,
такой безутешный, в мятой майке и
застиранных штанах. Так на раз-
рыв ломит душу: и сына утешить, и
на работу надо приспеть. Отре-
шенно махнув на все, бросается
вспять, грабастает своего голена-
стого парнишечку. Приглушая соб-
ственные слезы и распахивая, ка-
жется, не только «куфайку», а са-
мую подспудную свою сущность,
ласково прижимает сердечного.
Бережно мнет находившие бо-
вые ноги ребенка, бредово приго-
варивает: «Ну, чо, ну-ну, бурлишь,
бугайшка, народ булгайшишь, сна не
даешь...»

Пробуждение тоже было вещим.
Не то, чтобы над селом, прямо-
таки над избой шел самолет. Гул
давил до стона: звякала в залавке
посуда, в предпечье отплясывало
звонкое стекло оконца. «О, оспо-
ди!» — шепчет
старуха, нащу-
пывая в потем-
ках ногами ос-
тудную дорож-
ку половицы,
двигается к ка-
стрюле испить
глоток воды.

Утром в ло-
бастой катет-
ке, плюшевом
полупальтишке идет на другой ко-
нец села к куме-гадалке. Карты вы-
пали преотличные: бубенный ко-
роль, казенный дом и поздняя до-
рога. Правда, общую картину чуть
охмуряли неясности от винтовой
крали. Невест откуда вынырнула
при третьем раскладе пиковая
злыдня и смазала фон благополу-
чия.

И все-таки дело клонилось к тому,
что непременно припожалует на
побывку сын, привезет на поглядку
белоголовых внучат.

— Ну, Казачка, — заверила кума,
— жди, счастливая, гостей.

Сын у Казачки летчик, в чинах,
далеко в Большом Городе. Изред-
ка присылает письма, еще реже
небольшие денежные переводы.
Работы у летчика много, ответст-
венность высеребрила бороду. Хо-
роший, добрый сын. А то, что на
сердце виновная?.. Нет, не может
Казачка связывать это с женой
летчика, не возьмет грех на душу:
Сноха — писаная красавица, глаза
на фотографии в сиянии веселой
доброты...

Уверовав в скорый приезд сына,
старая деятельно готовилась к
встрече. На возврате к дому попут-
но завернула на площадь, где сто-
ял каменный солдат на подставке с
позолоченными буквами: «Никто
не забыт, ничто не забыто.» По-
ложила солдату букетик с Сири-
невого Лога. Шибко он смахивал на
ее мужа, невзвратно ушедшего на
Отечественную войну. Было все: и
любовь, и ссоры в короткой семей-
ной молодости. В девичестве глупо
гордилась тем, что вот, мол, степ-
ничка из казаков, а полюбила му-
жика из заводских рабочих. Тогда
прилипла к ней кличка — Казачка.
В паспорт обмшулкой даже вписа-
ли, будто не-русская. Ну, это дело
десятое, а за разломки — близок
локоток — каялась.

Занятая мыслями, не успела сра-
зу заметить, как над площадью
прошли звеном реактивные истре-
бители — мощный звук погас и пи-
санный след в высоте остыл, а она
все смотрит из-под прочерневшей
ладошки немигающими глазами,
шепчет бескровными губами: «Ро-
димчик ты мой!» Ей представля-
ется, что в небе не бородач в пого-
нах, а мальчишка из вдовьей моло-
дости. Мать осеняет мысль о том,
что летчик навестит родное село
обязательно на пилотном аппара-
те, а не каким-то там заурядным
способом посредством поезда, аль,
скажем, жигуленка. Там, где Сири-
невый Лог входит в Гумбейку, есть
равнина, сущая палестинка, самое
место для аэродрома. Давно она
приглядела, а теперь верный мо-
мент навести там порядок: нет ли
где камней, борон с зубьями, а ко-
ровы котяхи — не помеха... Это ее
рассмешило презабавно.

Полднем пацаны видели, как
Казачка бродом переходила реч-
ку, сняв обувь и цветастые гару-
сные чулки. Ноги у старенькой су-
хие, костистые, без загара, отчет-
ливо — нельзя не подивиться —
проступают одряблевшие вены,
схожие с изображением великой
Волги на географической карте.
Переправа сопровождалась дли-

тельным ойканьем не то от остуд-
ной воды, не то от нащупываемых
ногами галек.

... Шли дни, а ворожба кумы поче-
му-то все еще не сбывалась. Сын не
давал весточку.

Случилось раз за селом, на теля-
чьих гумнах приземлился фанер-
ный самолетик. Он чего-то ждал,
неумолчно, весело стрекотал, как
кузнечик. Казачка радостно засме-
ялась и рванулась нагумно. Да куда
там!.. Загорелась вполдороги. Шу-
стрые пацаны обскакали в два сче-
та и, как нахальные муравьи, обсту-
пили аэроплан. Она приспела к
шапочному разбору. Пилот, очка-
стый парень, окинул ее равнодуш-
ным взглядом, крепко газанул, да
только его и видели.

— Что? Что он сказал? Не пере-
давал ли привет от кого-либо? Ах!
Заблудился. Дорогу уточнял. Хо-
рош, видать, гусь!..

Скоро наступили долгие осен-
ние, а за ними и зимние скучные
вечера. Старуха, желая развеять-
ся, ходила к шабрам, в дом Юри-
шова, смотрела телевизор, гре-
лась радостями чужой жизни. Воз-
вращалась сумятная, делала в мей-

Иван ЕФАНОВ

КАЗАЧКА

Быль

тах прикидки, которые давали
совершенно иной расклад жизни. Не
заносился бы, допустим, сын высо-
ко в чины и в небо, а жил как все
прочие. Мать была бы при нем. Че-
реда мыслей тянулась подобием
клубка ниток, из которых старуха
вытаскивала узорчатые варежки
внучатам. Засиживалась до полно-
чи. Юркины спали непробудно, а
Цабанная Нога заваливалась ни-
жней звездочкой за карниз шабров-
амбара. Сон и явь у рукодельницы
путались. Мстилось, как сын и муж
сливались в единое лицо. Она вела
речь с этим родным человеком лю-
бовно и наставительно, как стар-

шай. Не похваляйся честью и гор-
достью заводского человека. По-
мню, как ты притих и перелопочи-
лся однажды. Дело было после боль-
шого рассказывания при первых
колхозах, от властей шла линия
арестов врагов народа. Ты потре-
бовал снять со стены карточку
моего родителя. С чувством удов-
летворения старуха осматривает
семейные фотографии в рамках.
Отец, вахмистр с обнаженной шап-
кой, перед отправкой на позиции
Германской войны. Рядом фотогра-
фия бравого сержанта в пилотке
образца 41-го года, а ниже, при
погонах, пилот-полковник. Она у-
чредила им некий ранжир не по за-
ванию, а по родовому старшинству.

— А ты, — отчитывает Казачка,
— рвался в суворовское, дом козой
пахнет...

Путая персонажи, укоряет: «Сто-
ишь теперь с каменным автоматом.»

... Шло время и нахлынуло ра-
достью в дом матери. Почта доста-
вила денежный перевод. На лист-
очке извещения приписка с при-
ветами, от которых веяло намеками
на долгожданный приезд летчика.
Снова мать достала из сундука
нарядную одежду, пошла на ули-
цу. Показывала казенный ярлычок
и, притворщица, просила, будто не
знает, что там написано, в десятый
раз читать наизусть заученные
строки. Обошла с весточкой все
людные места: контору, магазин,
кузницу. Раздумывала, куда бы еще
сходить после кумы-гадалки и дома
Юришова. Безудально уплотни-
ла денечек...

Время шло. Мать ждала. Летчик
не приезжал. За давностью ей ста-
ло казаться, что он уже побывал
дома. Прилетел быстрокрыло, при-
вязал аппарат горячий к тополлям
на продувку. Пришел к матери. Хро-
мовое пальтецо снял и стал пить у
матери чай с сахаром вприкуску.
Неспешно фырчал с блюдечка, вы-
тирал пот с облысевшей головы,
распрашивал о житье. Такой об-
стоятельный и внимательный.

Старуха, не мигая, строго гляде-
ла на собеседников из-под осев-
ших бровей. Люди терпеливо слу-
шали ее, украдкой вздыхали и от-
водили взгляды в сторону. Каза-
лось, они стыдились чего-то. Мо-
жет быть, действительно им было
стыдно. Но нет, не святая материн-
ская ложь была тому причиной...